

На правах рукописи

Гилязова Ольга Сергеевна

**Текст и действительность: сравнительный анализ
онтологически – темпоральных статусов**

**Специальность 09.00.01-
онтология и теория познания**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург – 2007

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель:

кандидат философских наук,
доцент Котелевский Д.В.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор Трубина Е.Г.
ГОУ ВПО «Уральский государственный
университет им. А.М.Горького»

доктор философских наук,
профессор Андрюхина Л.М.
НВПОУ Уральский Гуманитарный институт

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Уральская государственная
сельскохозяйственная академия»

Защита состоится 20 сентября 2007 года в _____ час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.282.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, профессор

В.В. Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Проблема определения места текста и его отношения к действительности, понимаемой, как правило, как внетекстовая реальность, ставилась и дискутировалась с древнейших времен. Но именно современная эпоха актуализировала данную тему. Появление таких явлений, как виртуальная реальность, гипертекст, Интернет в условиях формирования массмедийного, визуального, экранного типа культуры указывает на новые формы пересечения текста и действительности, чем подчеркивается нетривиальность и актуальность проблемы их взаимосвязи.

В современное время проблема установления онтологического статуса текста и действительности становится еще более важной и сложной в результате расшатывания и смешения критериев их различия. Пересматриваются стандарты и критерии в определении границ текстуальности и действительности. Сложность определения границ между текстом и действительностью позволила современной философии в рамках, например, постструктурализма, отвести тексту настолько доминирующее положение, что фактически все феномены человеческого бытия (социальность, телесность, сексуальность, власть, культура, история) стали рассматриваться через призму текстуальности. Это нашло отражение в формулировке Р.Барта и Ж.Деррида, согласно которым ничего не существует вне текста. Радикальность данного тезиса, выражающего свойственную постмодернистскому мировидению абсолютизацию текста, подчеркивает актуальность анализа проблем, поставленных в нашем исследовании.

В современную эпоху онтологическая тематика активизируется и конкретизируется в философских и междисциплинарных исследованиях, которые на первый план выдвигают понятие реальности, постулируя идею множества реальностей и плюралистический подход к их разнообразию. Взамен классической новоевропейской моноонтической парадигмы многими авторами независимо друг от друга предлагаются полионтические парадигмы, популярность которых обусловлена тем, что в их рамках удастся описать динамизм, поливариантность явлений, их сценарность и нелинейность. В контексте характерного для современного мышления «поворота к реальности», способствующего складыванию понимания текста как специфической реальности, ощущается необходимость анализа особенностей текстуальных реальностей сравнительно с внетекстуальными реальностями человеческого бытия. Необходимо исследование онтологических характеристик текста и действительности, что возможно через актуализацию таких понятий, как реальность и условность.

В проблемном поле нашего исследования наибольший интерес представляет коммуникативный аспект взаимодействия текста и действительности, вниманием к которому отмечено современное философствование. Первоначальное, несколько одностороннее изучение текста в синхроническом срезе заменяется все более углубляющимся вниманием к его диахроническому измерению, заданному

динамикой коммуникативной ситуации, что переносит акцент именно на *темпоральный* ракурс проблемы.

Тем не менее, следует отметить определенную ограниченность работ, посвященных исследованию коммуникативного измерения текста. В них преобладает внимание в основном лишь к процессуальной стороне коммуникации, что сопровождается пренебрежением тех особенностей, которые присущи тексту как готовому результату коммуникации, опредмеченному в конкретный материальный носитель информации и зависимому от собственного плана выражения. Характерное для исследовательских практик текста предпочтение лишь одного параметра коммуникации (как процесса или результата) стоит заменить рассмотрением онтологической и темпоральной специфики каждого параметра, без взаимного нивелирования их друг к другу, благодаря чему взаимосвязь этих параметров не только не исключается, но и оказывается необходимой.

Учитывая, что сама коммуникация во многом определяется средствами общения, становится оправданным изучение онтологических и темпоральных особенностей, накладываемых этими средствами на текст как на реальность, зависимую от коммуникативной ситуации и от позиции субъекта в ней. Современная культурная ситуация способствует появлению новых возможностей, которых не было раньше и которыми чревато развитие средств общения и технологий в будущем, что делает непреходящей актуальность поднятой в диссертационном исследовании темы.

Степень научной разработанности проблемы

Проблема связи текста с действительностью изучалась многими авторами еще с античности. Достаточно вспомнить известные, обусловленные различием в подходах к онтологически–гносеологической проблематике, разночтения в понимании «мимесиса» в учениях Платона и Аристотеля. Но именно современная эпоха позволяет характеризовать сложившуюся в философствовании ситуацию как «поворот к тексту».

Комплексный характер данного исследования предполагает использование источников из различных областей научного знания, входящих в сферу осмысления современной философии. Проблемой текста занимаются множество направлений междисциплинарного и философского характера: семиотика, нарратология, герменевтика, аналитическая философия, структурализм, постструктурализм, эстетика, а также литературоведение, лингвистика, искусствознание, психология, логика. Естественно, что данные дисциплины и подходы рассматривают текст в ракурсе, предопределенном задачами их собственного исследования, чем обуславливается и специфика изучения ими текста. Применение их наработок позволяет конкретизировать анализ взаимоотношения текстов и действительности.

На протяжении всего исследования в анализе кинематографической, сценической и литературной реальностей широко используется искусствоведческий и литературоведческий материал, где наиболее существенное значение приобретают идеи С.Эйзенштейна, Б.Брехта и В.Шкловского, которые были не только теоретиками, но и практиками, революционерами в выбранной ими сфере

деятельности. Их взгляды дополняются и уточняются представлениями современных теоретиков кино: М.Ямпольского, Н.А.Хренова, С.И.Фрейлиха, М.Мартена, А.Базена, Е.М.Вейцмана, З.Кракауэра, Ж.Делеза; театра: А.Арто, Ф.Степуна, А.Малинова, С.Серегина, П.Богдановой; и литературы: Б.В.Томашевского, Л.Я.Гинзбург, М.Л.Гаспарова, Б.В.Дубина, Б.М.Парамонова, А.М.Левидова, Н.Д.Тамарченко, В.И.Тюпы, С.Н.Бройтмана, В.Е.Хализева.

Не менее важным для диссертационного исследования представляется и анализ онтологического статуса массмедийной и виртуальной реальностей, что предполагает обращение к идеям современных исследователей, как отечественных: Н.А.Носова (рассматривающего виртуальную реальность в историческом и психологическом ракурсах), Е.Маевского, В.М.Розина, В.Руднева, А.Гениса, О.Туркина и В.Мазина, А.Ю.Севальникова, С.С.Хоружиего, А.Прохорова, так и зарубежных: Г.Андреса, Х.Л.Дрейфуса, С.Жижека, Ж.Бодрийера, М.Маклюэна и Н.Лумана.

Семиотический анализ связи действительности и текста осуществляется нами с опорой на труды Ф.де Соссюра, Ч.С.Пирса, У.Эко, Э.Бенвениста, В.М.Розина и Р.Барта (структуралистского и постструктуралистского периодов). Эта связь в более широком контексте, в рамках культурологической парадигмы, где культура понимается в качестве семиосферы, изучается Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским. Необходимость рассмотрения прагматического ракурса связи субъекта с текстом и действительностью определяет внимание к работам известных представителей философского прагматизма – Ч.С.Пирса, Дж.Дьюи и У.Джеймса, а также к работам детально разрабатывающих их взгляды и развивающих их в русле «философии повседневности» феноменологов Э.Гуссерля (последнего периода), А.Шюца и также М.Мерло-Понти.

Исследования текста имеют тенденцию к разрушению дисциплинарных границ. Наиболее показательным примером этого является введение в широкий научный оборот термина «дискурс», теряющего свою лингвистическую определенность и приобретающего статус междисциплинарного методологического принципа социально-гуманитарного знания. Современная эпоха ознаменована появлением многочисленных теорий дискурса, условно подразделяемых на два основных направления. Во-первых, это немецкая школа, которая, опираясь на неокантианство и англо-американские теории речевых актов, изучает этические аспекты дискурса в рамках теории коммуникативного действия. Наиболее известными представителями данного направления являются основоположник «дискурса-этики» Ю.Хабермас и О.Апель. Вторым направлением является французская школа дискурса-анализа, которая связывает дискурс с феноменом власти. Идеи М.Фуко, яркого представителя второго направления, являются наиболее значимыми для анализа дискурса как социально обусловленной коммуникации. Не менее существенным для нашего исследования оказывается использование понятия «дискурс» в более узком, лингвистическом смысле, восходящем к трудам Э.Бенвениста и развитом впоследствии Ю.Кристевой, как прагматически ориентированного текста.

Многообразие теорий дискурса, вскрывающих этические, социально-политические, прагматические, эпистемологические, контекстуальные, ситуационные аспекты коммуникации, является выражением переориентации внимания современных исследовательских практик с «узкого», синхронического, понимания текста как автономного статичного образования на более «широкое», диахроническое его понимание как динамической системы, включающей активное взаимодействие всех элементов коммуникации.

Современная эпоха в критике (например, в «генетической») и в искусстве отдает приоритет именно процессу созидания текста перед его результатом, открытому и незавершенному тексту перед готовым – «закрытым», инициативе читателя перед интенцией автора. В этом отражается реакция на доминирующую в традиционной поэтике и литературоведении (в рамках, например, структурализма и формализма) тенденцию к исследованию текста в его статичном, сформированном состоянии, даже в некоем вневременном измерении. Крайности данных подходов большинство исследователей, например, У.Эко, стремятся обойти через разграничение *закрытости*, *завершенности* текста на материальном плане выражения и *открытости*, *множественности*, никогда не достигающих окончательности, способов понимания, осмысления и интерпретации плана содержания. В нашей работе это понимание сохраняется, но дополняется демонстрацией определенного равноправия двух коммуникативных сторон текста (как результата и процесса), анализом их онтологической и темпоральной специфики, не устранимой их взаимосвязью. Включенность текста в коммуникативное поле социально-исторической действительности людей определяет обращение к анализу темпорального ракурса взаимодействия текста с действительностью.

В современном философском мышлении важность анализа временной компоненты бытия подчеркивается сторонниками экзистенциальной, феноменологической, герменевтической парадигм, но наиболее четкий и представительный анализ интересующей нас проблемы текстуального времени был проведен в рамках именно нарративной парадигмы. Поэтому представления известных представителей данной парадигмы берутся как основополагающие, прежде всего - П.Рикера и Ж.Женетта, фактически обосновывающего, что сама пространственность текста (прежде всего на уровне внешней организации) выступает в качестве «псевдовремени». Важным представляется выделение ими и изучение специфики разных уровней текстуального времени. Несовпадение данных уровней предоставляет текстуальному времени такие возможности, которые несвойственны времени действительности в силу его принципиальной необратимости (основания которой исследуются нами по взглядам Дж.Уитроу, А.Грюнбаума, Г.Рейхенбаха, Р.Фейнмана, Г.П.Аксенова, Н.Н.Трубникова, В.П.Казаряна, П.Девиса, Г.Х. фон Вригта, Т.П.Лолаева и др.). Впрочем, исследование соотношения темпоральных статусов текста и действительности оказывается неполным без обращения также к идеям А.Августина, Г.В.Ф.Гегеля, Г.Э.Лессинга, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, О.Розенштока-Хюсси, М.Мерло-Понти, Д.У.Данна, Э.Сепира и Б.Л.Уорфа; из отечественных специалистов –

П.А.Флоренского, М.М.Бахтина, Д.С.Лихачева, Ю.М.Лотмана, Б.А.Успенского, Ю.С.Степанова, Т.Х.Керимова, А.Д.Шмелева, Е.С.Яковлевой, Е.В.Падучевой.

Значимость произведений П.Рикера и Ж.Женетта усиливается обстоятельным и взвешенным изучением ими тем, имеющих ведущее значение для нашего исследования связи текста и действительности: проблем вымысла, гносеологических и онтологических аспектов мимесиса, соотношения истории (как образца и основания фактуальных текстов) и литературы, роли читателя и его взаимоотношения с текстом, критериев фикциональности. Впрочем, их исследовательский интерес, ограничиваясь исключительно анализом словесных текстов, оказывается неполным в рамках нашей работы, включающей в рассмотрение и несловесные тексты. Специфика несловесных текстов сравнительно со словесными изучается нами по работам П.А.Флоренского, Ю.М.Лотмана, Л.Ф.Чертова, Р.Якобсона, У.Эко, М.Шапиро.

Отдельно следует отметить работы, посвященных разработке и решению частных вопросов, обращение к которым позволяет нам достичь более четкого понимания интересующей нас проблемы. Здесь стоит упомянуть представителей аналитической философии, чьи произведения отмечены серьезным вниманием к исследованию вымысла и сопутствующих тем: Н.Гудмена, Б.Миллера, Д.Льюиса, Дж.Серля, Дж.Остина. Труды последних двух философов - Дж.Серля и Дж.Остина - как основоположников теории речевых актов оказываются наиболее важными, так как в них выявляются и исследуются коммуникативные параметры взаимодействия текста и действительности.

Проблемы, поднимаемые прагматическим измерением связи текста и человеческой истории и идеологическим контекстом этой связи, разрабатываются в рамках «Нового историзма». В более узком контексте, заданном рамками текстологической парадигмы, концентрирующей на специальных вопросах созревания текста, связь текста с другими текстами и окружением автора исследуется «генетической критикой». Уточняя этапы создания текста в процессе письма, генетическая критика возвращает темпоральное измерение тексту, в котором ему фактически отказывает традиционная поэтика. Все это определяет значимость для диссертационного исследования разработок наиболее известных представителей французской «генетической критики»: А.Грейзона, Ж.Бельмена-Ноэля, Ж.Левайана, Д.Феррера, А.Миттерана и Ж.-Л.Лебрава (подробно разбирающего специфику гипертекста). Не менее важными и оригинальными являются работы, которые подводятся под общую рубрику современного немецкого философского литературоведения, объединяющего совершенно разнородные позиции. Наиболее интересными, особенно в сопоставлении с взглядами представителей аналитической философии, представляются теории фикции, предложенные В.Изером и О.Марквардом.

Отдельно следует выделить работы, в которых дается общий обзор результатов, достигнутых в современной философии относительно анализа текстов и их отношений с действительностью различными направлениями: французским структурализмом и постструктурализмом - А.Компаньона, С.Н.Зенкина, Г.К.Косикова, Н.С.Автономовой, Н.Б.Маньковской, аналитической философией -

Н.С.Арутюновой, Дж.Пассмора, Р.Порти, русским формализмом - Оге А. Хайзена-Лёве, русским литературным постмодернизмом - М.Эпштейна, М.Н.Липовецкого, В.Курицына, теориями дискурса - В.Л.Макарова, В.В.Богданова и Т.И.Касавина, западными философиями искусства - В.Г.Арсланова; а также имеющие во многом междисциплинарный характер работы Д.Хофштадтера, Д.Шванитца и В.Руднева.

Во всех вышеперечисленных направлениях современной философии и близких дисциплин, уделявших серьезное внимание проблемам взаимосвязи и взаимодействия текстов и действительности, тем не менее, не было осуществлено их комплексного анализа, притом в ракурсе, предполагающим выявление и изучение специфики онтологических и темпоральных характеристик реальностей действительности и текстов.

Наше диссертационное исследование призвано, по-возможности, восполнить этот пробел. Для этого особое внимание в данном диссертационном исследовании уделяется анализу онтологических и темпоральных особенностей текста в сравнении с действительностью, предоставляемых тексту его онтологическим статусом как закрытой или открытой условной реальности, что выражает онтологический параметр текста в коммуникативной ситуации как ее результата или процесса. Это определяет необходимость рассмотрения онтологического ракурса взаимодействия текстов и действительности в прагматически-коммуникативном срезе их взаимоотношений.

Цель и задачи исследования

Таким образом, **целью работы** является философское осмысление специфики онтологических и темпоральных статусов текстов и действительности в их коммуникативном измерении.

Достижения цели исследования определяет необходимость выдвижения следующих **задач**:

- 1) определить понятия текста и действительности в контексте понятий реальности и условности;
- 2) исследовать взаимосвязь текстов и действительности в контексте соотношения их событийностей и выявить особенности конституирования и функционирования текстуальной событийности в зависимости от онтологического статуса текста и характера его семиотического устройства;
- 3) провести анализ основных критериев вымысла в тексте и действительности;
- 4) установить онтологическое значение семиотических приемов в конституировании текстуальной событийности и в особенностях ее воздействия на адресатов коммуникации;
- 5) рассмотреть основные подходы к соотношению времени и событийности в механизмах текстопорождения культуры и выявить зависимость особенностей текстуального времени от характера условности реальности текста.
- 6) провести анализ темпоральных особенностей событийности текстов и ее причинного характера в контексте коммуникации автора и адресата.

Теоретические и методологические основания исследования

Основными методами нашего исследования являются: сравнительный анализ, «семиоанализ» в понимании, заданном Ю.М.Лотманом, структуралистский подход и - отчасти - постструктуралистский. Методологический аппарат, выработанный в рамках структуралистского и постструктуралистского подходов, не является однородным, т.к. заимствует свои процедуры из семиотики, лингвистики, антропологии, психоанализа, но именно он позволяет сделать анализ текста более конкретным и содержательным. Здесь мы в первую очередь опираемся на работы М.Фуко, Ж.Деррида и Р.Барта, демонстрируя неправомерность провозглашаемой Р.Бартом «смерти автора» и абсолютизации текста. В ходе анализа отношений между текстом и действительностью мы приходим к заключению, что проводимая в работах ряда постструктуралистов концепция сплошной текстуализации действительности так же не учитывает сложные диалектические отношения между ними, как и представление, полностью противопоставляющее эти феномены. Таким образом, мы приходим к необходимости раскрытия и осмысления специфики этих феноменов через понятия, которые бы демонстрировали их структурную связь. Этими понятиями выступают понятия «реальность» и «условность».

Так как исследованию подлежат онтологические статусы действительности и текста, то рассматривается их специфика, накладываемая на них их статусами *данной, созданной и создаваемой* реальностей, в которых наиболее существенное значение приобретают коммуникативный и темпоральный параметры. Сопоставление темпоральных статусов реальностей текста и действительности затруднительно вне событий, поэтому данный анализ осуществляется через выявление специфики функционирования и конституирования их событийности. Это обосновывает наше внимание к реалиям и текстам с выраженной событийностью.

Специфика нашего исследования, посвященного изучению связи двух реальностей – текста и действительности в их онтологическом своеобразии и отличии, определяет необходимость рассмотрения текста как особой условной реальности. Для этого вводятся понятия онтологическая/ функциональная/ художественная условности. Они становятся методологическим принципом нашего исследования, на основе которого осуществляется типология реальностей, а самое главное – исследуются свойства текстов как специфических реальностей. Но помимо отличия, доходящего иногда до непреодолимого онтологического разрыва, связь характеризуется и единством, воплощением и выражением которого служит именно субъект коммуникации. Поэтому главным теоретическим основанием является принятие коммуникативного подхода к изучению текста. Приоритетное значение коммуникативного подхода обосновывается тем, что он позволяет исследовать текст на прагматическом уровне, в соотнесенности с участниками коммуникации, в противоположность лингвоцентрическому и текстоцентрическому подходам, рассматривающими текст как автономное структурно-смысловое целое. Тем самым диссертационное исследование вводится в русло современного философского мышления, которое в рамках, например, символического интеракционизма, теорий дискурса и сознания все активнее подчеркивает

определяющее значение коммуникации как интегратора текста и действительности. Таким образом, ведущими в нашем исследовании оказываются онтологический и коммуникативно-прагматический параметры.

Основополагающим теоретико-методологическим принципом диссертационного исследования, придающем ему своеобразие и определенный элемент научной новизны, является подразделение текста как условной реальности на закрытую или открытую, что выражает онтологический аспект давно дискутируемой проблемы соотношения понятий дискурса и текста, которые иногда разграничиваются по оппозиции - письменный текст и устный дискурс, а в теории дискурса различаются как структурный *текст-как-продукт* и функциональный *дискурс-как-процесс*. В нашей работе данные понятия не противопоставляются, получая онтологическую интерпретацию в качестве способов функционирования текста на разных этапах коммуникативного процесса.

Определенный акцент работы на анализе фактуальных и художественных, прежде всего – литературных текстах, обосновывается, во-первых: наличием в них невырожденной текстуальной событийности; во-вторых: их способностью концентрировать в довольно отчетливом виде черты условных реальностей и даже действительности; в-третьих: наличием у данных типов текстов (в отличие, например, от естественнонаучного дискурса) ярко выраженной зависимости от особенностей коммуникативной ситуации и выросшей на ее поле текстуальности. Все это задает необходимость обращения к идеям наиболее значимых фигур, прежде всего, нарратологической и культурологической парадигм. Ведущее значение приобретают идеи Ж.Женетта, П.Рикера, Ц.Тодорова, Г.Э.Лессинга, Х.Ортеги-и-Гассета, Э.Ауэрбаха, В.Беньямина, М.Маклюэна, Ф.Жюльена, П.А.Флоренского, Д.С.Лихачева, Е.М.Мелетинского, А.Гениса, Ю.С.Степанова, Б.А.Успенского, К.А.Свасьяна, В.Н.Топорова, Е.Г.Трубиной и ряда других. В разработке же категориального аппарата онтологической тематики существенное значение получили идеи В.М.Розина, Д.В.Пивоварова, прагматистов Дж.Дьюи и У.Джеймса, феноменологов М.Мерло-Понти, А.Шюца, философия «здорового смысла» Д.Э.Мура, и работа М.Хайдеггера «Основные проблемы феноменологии».

Основные положения, содержащие новизну и выносимые на защиту:

1. Проанализированы понятия действительности и текста в контексте понятий реальности и условности, что позволило определить их специфику как действительной реальности и условной реальности. В ходе анализа выявлено три основополагающих вида условностей: онтологическая, художественная и функциональная. Показано, что специфика рамок условности, их проницаемость/ непроницаемость оказываются определяющими показателями открытости или закрытости условных реальностей.

2. Дано определение текста как семиотической условной реальности, порождаемой коммуникативной ситуацией, с нередуцированными планами выражения и содержания, характеризующейся единством синтагматической связности и парадигматической смысловой целостности, определенной

системностью и полнотой, что позволяет отделить его от иных условных реальностей, прежде всего - состояний сознания.

3. Обосновано положение, что деление текста как условной реальности на закрытые и открытые, отражает онтологический ракурс оппозиции между параметрами текста как готового, завершённого результата и открытого процесса коммуникации. Продемонстрировано, что четкое различие проявляется не столько между текстами, сколько между способами их функционирования.

4. Выявлено три возможных способа функционирования текста, в зависимости от отношения адресата к тексту: во-первых, в качестве вещи действительности (притом, либо в её знаковой функции культурного артефакта, либо – в наивно внезнаковом измерении); во-вторых: в качестве открытой условной реальности; в-третьих: в качестве закрытой условной реальности, чья закрытость снимается процессом исполнения, переписывания, исправления – процедурами, имеющими дело с текстом в плане его содержания, без выхода к которому вся работа с текстом как с материальной вещью оказывается, как правило, неправомерной.

5. Проведено различие текстов на онтологически/ функционально закрытые/ открытые условные реальности. Установлена зависимость темпоральных статусов текстов от данного различия. Определено, что в открытых текстах время разворачивается в длительности и процессуальности конституирования их событийности, т.е. фактически в необратимом времени действительности, условность которому придается художественностью. Продемонстрировано, что в закрытых текстах время изначально имеет пространственный характер, темпоральность в котором появляется за счет последовательного развертывания адресатом пространственных синтагм, т.е. не раньше субъектного «проникновения» в мир, который вне этого остаётся не более чем материальным пространственным артефактом.

6. Выделено особое условное время, главными особенностями которого являются, во-первых: его пространственность на уровне внешней организации текста; во-вторых: его способность состояться временем при условии его темпорализации процессом понимания адресата; в-третьих: его свобода от ограничений (например, «путешествовать» в прошлое и будущее и обращать причинный порядок) времени действительности, накладываемых на него его принципиальной необратимостью, имеющей фактическое значение даже для номологически обратимых механических процессов.

7. Отмечена неправомерность абсолютизации противопоставления визуальных текстов и словесных текстов по дихотомии пространственные/ временные тексты. В ходе анализа показано, что перед нами конфликт не столько двух видов текстов, сколько – методов и подходов: во-первых: метода данности и результата; во-вторых: метода динамического становления, привносящего темпоральное измерение через творческое соучастие в продуцировании текстуального мира зрителем, тем самым переводящего закрытую условную реальность текста в ранг открытой.

Научно-практическая значимость исследования:

Результаты диссертационного исследования могут представлять научный интерес для специалистов в области онтологии, теории познания, семиотики, эстетики, культурологии, искусствоведения, литературоведения. Материалы данной работы могут использоваться при подготовке спецкурсов по онтологической или культурологической тематике. А также как методологические основания для аксиологии, социальной философии, философии культуры, в области социально-гуманитарного знания.

Апробация работы. Основные выводы и положения были изложены в докладах и выступлениях на конференциях: «Антропологические основания теоретического мышления» (г. Екатеринбург, 16-17 ноября 2004г.). «Россия в XXI веке: прогнозы культурного развития. Качество жизни на рубеже тысячелетий. Антропологические чтения – 2005» (г. Екатеринбург, 27-28 марта 2005 г.), на международной конференции «Новое искусствознание как социальная экспертиза культуры общества» (г. Екатеринбург, 19-20 мая 2005г.), на всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: социальное и природное» (г. Омск, 23-24 ноября 2006г.).

Проведены обсуждения текста кандидатской диссертации: дважды обсуждался на кафедре онтологии и теории познания УрГУ.

Структура и объем работы

Структура работы способствует последовательному решению задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения и списка использованной литературы из 220 наименований. Работа выполнена на 170 страницах машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи работы, формулируются основные методологические принципы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Специфика онтологических статусов текста и действительности» посвящена сравнительному анализу онтологических характеристик текстов и действительности как, соответственно, условных реальностей и действительной реальности. Выявляются и изучаются формы взаимозависимости текстов и действительности через особенности знакового устройства текстов, конституирования ими соответствующей событийности, способов воздействия на адресатов коммуникации.

Первый параграф «Проблема определения понятий реальности, действительности и текста» имеет своей задачей анализ соотношения понятий действительности и текста через призму понятий реальности и условности. Для этого выявляются основные типы условностей, позволяющие проводить

демаркационную границу между текстом и действительностью, а также - дифференцировать разные виды текстуальных реальностей.

Под реальностью понимается сфера бытия, специфицированная в самостоятельный и относительно автономный мир, в который объективирован опыт личности и общества. Для человека реальность, в которую он непосредственно и всецело погружен, предстает действительной, т.е. реальностью, с которой, в силу ее значимости, насущности и требовательной настоятельности, приходится считаться. Это реальность, которой вынуждены и готовы жить для того, чтобы иметь возможность выжить, как в качестве биологического существа, зависящего от физических условий существования, так и в качестве социально зависимой личности, не желающей подвергать себя гражданской смерти.

Обосновывается неправомерность сведения действительности исключительно к материально-чувственной стороне бытия. Онтологический параметр определения действительности как физически объективной реальности, являясь основополагающим, оказывается недостаточным без учета алетически-эпистемологического параметра, выражающего очевидность, достоверность, «в самом деле» происходящего для человека, позволяющего ему не только и не столько телесно присутствовать и действовать, но жить событийностью происходящего всецело, *самим* собою. Вслед за М.Мерло-Понти определяем действительность как реальность, на фоне несомненной веры к которой оказывается возможным сомнение относительно достоверности и правдивости каждого конкретного опыта восприятия. Условной же, т.е. недействительной, полагается реальность, воспринимаемая отстраненной, опосредованной рамками условности, благодаря которым принадлежность к ней человека оказывается неполной или проблематичной.

Проводится анализ отношений между текстом и действительностью на прагматическом уровне, где определяющее значение приобретает понятие рамок, отделяющих от действительности условные реальности, одними из которых являются тексты. Отмечается, что специфика рамок определяет тип условности. Онтологические рамки устанавливают физическую невозможность проникновения (хотя бы гипотетического) человека в события реальности на материально-чувственном плане данной реальности. Функциональные рамки характеризуют невозможность (в том числе неправомерность) прямого вмешательства в события реальности и участия человека в конституировании её событийности. Совпадение онтологической открытости как отсутствия рамок с функциональной открытостью характеризует действительность. В случае же закрытости одной из двух, либо обеих рамок - перед нами условная реальность, притом закрытость обеих означает закрытую условную реальность, а одной из них при условии открытости другой – открытую условную, но не действительную, реальность.

Художественные же рамки нередко проявляются как постоянная игра установления и снятия функциональных рамок: художественность онтологически открытую реальность функционально закрывает, что переводит физически объективную реальность в художественно условную. Примером служит классический театр, сценическая реальность которого, будучи онтологически открытой, функционально склоняется к закрытой, т.к. не допускается

вмешательство зрителя как неправомерное (исключением является хэппенинг или театр жестокости А.Арто). Особенность художественной условности состоит также в способности внутри собственной текстуальности мультиплицировать условности. Тем самым художественный мир оттеняется в качестве некой «квазидействительности», так как ставить рамки с другими реальностями – привилегия действительности. Прежде всего, эта привилегия относится к онтологическим рамкам, подделываться под которые (но не быть) призваны художественные, т.е. чисто семиотические, рамки внутри текстуальной реальности, порождающие эффект «реальности в реальности».

Онтологическая закрытость при функциональной открытости отличает виртуальные реальности, порожденные, например, компьютерной игрой или любыми формами интерактивного кино. Функциональная открытость знаменует наличие эффекта «обратной связи», и (если речь идет о реальном, а не о сконструированном адресате) двусторонность контакта в коммуникации, даже если её участники разведены друг для друга видео-ауди-посредничеством по разные стороны онтологической границы. Функциональная условность создает принципиально новый способ отношения к реальности: за счет интерактивности размыкает онтологические рамки, не всегда претендуя на их отмену, и ставит рамки к онтологически открытым реальностям, позволяя человеку дистанцироваться от происходящего за счет выстраивания позиции «внеаходимости». Открытость же именно функциональных рамок имеет ведущее значение, позволяя даже принципиально условные реальности считать открытыми (пусть, в отличие от действительности, и не в онтологическом значении). Функциональная открытость, обнаруживая проницаемость онтологических рамок, демонстрирует подвижность и ломкость границ и критериев действительности и условности, их зависимость от самостной принадлежности человека, идентифицирующего себя с агентом событий определенной реальности. Эта вовлеченность личностного существования, причастность человека происходящему, позволяющая характеризовать внеположную ему реальность в качестве действительности, переносится на откровенно условные реальности. Полного отождествления условных реальностей и действительности не происходит, пока осознается основополагающее, не нивелируемое значение действительности как *реальности, властно требующей от человека* не просто *причастности ей*, а той *ответственной* причастности, эрзац освобождения от которой человек ищет в игровой, ни к чему не обязывающей причастности условным реальностям.

Понятия онтологическая/ функциональная открытость/ закрытость, будучи отнесены к анализу текста как условной реальности приобретают коммуникативное значение, являясь выражением онтологического статуса текста в коммуникативной ситуации. Текст как закрытая условная реальность – это онтологический ракурс текста как закреплённого на материальный носитель уже произведенного результата коммуникации. Текст как открытая условная реальность – есть текст, рассмотренный в процессе его становления, продуцирования в еще не завершенной коммуникативной ситуации. Ясно, что эти формы постоянно коррелируют друг с другом и взаимоперетекают: вне процесса коммуникации не было бы и её

результата – текста, и сама коммуникация зачастую требует процедуру её закрепления, иногда автоматического и синхронного. Но диалектику этого уяснить проще, если уточнить различия между действительностью и текстами как особыми условными реальностями, специфика которых обуславливается принадлежностью текста к вымышленным или фактуальным текстам, а также его отношением либо к художественным (в рамках чего возникают эссенционалистский и функционалистский подходы), либо информативным текстам.

Во втором параграфе **«Тексты и действительность: проблема событийности и анализ критериев вымысла»** исследуется взаимосвязь текстуальной и действительной событийности, зависимость этой связи от коммуникативной ситуации, от характера условности реальности текста, особенностей его знакового устройства, вымышленности/ фактуальности. Также проводится анализ границ и критериев вымысла в действительности и в тексте.

В рамках анализа текстуальной событийности в её отношении к событиям действительности обнаруживаем, что основополагающее отличие документальных и фактуальных текстов от художественных и вымышленных текстов состоит в их интенции: соответственно, либо воспроизведения наличной действительности с целью передачи максимально достоверной информации о ней, либо воссоздания некой квазидействительности, не наличной вне поля собственной текстуальности. Отмечаем, что документальные и фактуальные тексты, отличаясь от художественных и вымышленных текстов требованием верифицируемости, едины с ними в том, что онтологически отделены от действительности: в них нельзя иметь дело с собственно действительной событийностью. Однако, иконические тексты, особенно содержащие аспект идексальности, т.е. прямой детерминации со стороны обозначенного ими объекта, отличаются от словесных текстов, в которых связь между планами содержания и выражения более конвенциональна, тем, что прямее и непосредственней относятся к действительности: отсюда их невольный документализм. Впрочем, как мы, вслед за С.Жижеком, Ж.Бодрийяром и Р.Бартом показываем, этот «документализм» визуальных текстов, обеспечивающий им эффективность в воздействии на сознание реципиентов, способствует натурализации вымысла, который в форме идеологии опасен тем, что в отличие от художественного вымысла, не боящегося самопризнаваться в своей измышленности, претендует на привычность действительности.

Анализ вымысла позволяет установить, что определяющим критерием вымысла в действительности и в тексте оказывается прагматический критерий, конвенционального, впрочем, характера. От него получает свою правомочность и конститутивный (эссенционалистский) критерий, имеющий в основном вторичный и служебный характер как текстуальный критерий, не выходящий к связи текста и действительности. Вымысел потому и способен состояться, что эксплуатирует референциальные свойства языка, т.е. способность отсылать к внетекстуальной реальности. Вымысел фикционализует высказывание за счет того, что якобы серьезные (прагматически безответственные) речевые акты выдает за серьезные. Сложность их разграничения вынуждает нас выходить на уровень прагматики, намерений автора, и заодно именно в прагматическом критерии согласия адресата,

убежденности, ответственности за сказанное адресанта заставляет видеть основание для текстуальных критериев.

Рассматривается субъектный аспект вымысла, обусловленный многообразием отношений в коммуникации адресата и адресанта, в рамках же историографии и литературы – между автором, персонажем и рассказчиком. В качестве вывода подчеркивается зависимость эссенционалистского критерия вымышленности от конвенционального критерия, определяемого социальными установлениями, заданных структурами власти, т.к. и действительность, по которой «выверяют» степень вымышленности текста, обнаруживает свою сущностную фикциональность.

В третьем параграфе **«Словесные и визуальные тексты: специфика текстуальной реальности»** выходим к разграничению (зачастую доходящего до противопоставления) текстов, в зависимости от иконичности или конвенциональности их знаковой структуры, что находит свое продолжение в соответствующих особенностях взаимодействия с действительностью как, словами Рикера, на уровне мимесиса-I, т.е. префигурации действительности из событийности в повествование о событиях, так и на уровне мимесиса – III, т.е. её рефигурации (трансформации) в восприятии зрителя и читателя.

Обосновывается, что основополагающее различие между словесными и визуальными текстами задается не столько конвенциональным или иконическим характером их знакового устройства, а наличествует в виде обусловленной дискретностью или континуальностью их устройства предрасположенности к образности или информативности. Вслед за Р.Якобсоном и Э.Бенвенистом отмечаем, что образность, будучи полем развертывания в основном иконических (визуальных) текстов, в потенциальном состоянии содержится и в конвенциональном устройстве словесных текстов.

Также поднимается проблема «эффекта реальности», в который концентрируется свойство текстуальной реальности оказываться достаточно могущественной, чтобы казаться убедительной даже вопреки действительности, которая есть, словами Л.Витгенштейна, *те дверные петли*, тот каркас несомненности, который нужен и для сомнений. Это свойство текста производно от его образности, дорастающей до художественности как способности текста конституировать в рамках собственной текстуальности особый способ бытийствования (инобытия).

Рассматривается онтологическое значение специальных семиотических приемов, которые, не прибегая к обманным, иллюзионистским средствам, а, напротив, на поле борьбы с самой их возможностью, призваны воссоздать перед нами из условности кинематографа, театра и литературы собственную «действительность», не уступающую, а нередко и превосходящую своим воздействием обычную жизнь. В появлении данного «эффекта реальности» силой сочувствующего соучастия или критического разоблачения происходящего заключается главное онтологическое значение семиотических приемов вживания, отстранения и отчуждения.

Текстуальная реальность оказывается довольно влиятельной, чтобы состояться в силе воздействия с действительностью, не отменяя её, чем превосходит эффективность галлюцинаторной реальности сновидения или VR-технологий. Факт влиятельности текстуальной реальности останется парадоксом до тех пор, пока будем противопоставлять действительность и условные реальности вымысла и произведений искусства, а не поймем, что сила реальности придается взаимосвязью, диалогическим сотрудничеством человека, текста и действительности. Вымышленность как из-мысленность, сотворение, - вот что смыкает вымысел с художественностью (литературностью), единой с творчеством, которое имеет своей основой. Понимание этого позволяет нам вслед за П.Рикером увидеть в мимесисе не только разрыв, но и связь (на новых основаниях) с миром. Мимесис – творчество (мимесис-II), которым является собственно произведение, выступает стадией процесса, в котором текстовая конфигурация является посредницей между префигурацией (через референтную связь) действительности из событийности в повествование о событиях (мимесис-I) и её рефигурации в восприятии зрителя и читателя (мимесис-III). Творческий потенциал мимесиса оказывается полем схождения двух его ответвлений к миру, связывающих текст с действительностью через семантически - референтную связь его знаков и прагматически-коммуникативное воздействие на читателей, не только актуализирующих мир, заключенный в произведении, своим сочувствующим восприятием, но и, что важнее, - преобразующих собственный внутренний мир, в конечном счете – самих себя.

Все усиливающееся стремление к освоению современными текстами чужой области: приобретение иконичности словесными текстами за счет усиления ими своей образности и присвоение визуальными текстами темпоральности за счет введения ими повествовательности, - позволяют сгладить крайности идеи (не отменяя собственно различия) о резком противостоянии по основанию пространственность/временность иконических и словесных текстов. Функции «изобразительного», механического копирования действительности противопоставляется принцип динамического *становления*, сопряженного не только с конституированием во времени текстуального мира автором, но и с соучаствующим сотворением этого мира зрителем, что во многом переводит и закрытую условную реальность в ранг открытой. В результате мы приходим к мысли о конфликте не столько двух *областей*, сколько *методов*, притом метода изображения как метода *данности и результата* и метода образа как метода *становления и процесса*, т.е. подходов к текстам с точки зрения их закрытости или открытости, связанных с *темпоральным* измерением коммуникации.

Во **ВТОРОЙ ГЛАВЕ «Специфика темпоральных статусов текстов в их взаимодействии с действительностью»** рассматриваются основные подходы к соотношению времени и событийности, исследуются темпоральные и причинные особенности текстуальной событийности, их зависимость от позиции человека в коммуникативной ситуации. Выявляется зависимость темпоральной специфики текстуальных реальностей от их онтологического статуса в коммуникации.

В первом параграфе **«Проблема специфики времени и событийности в «механизмах текстопорождения» культуры и в текстах»** выявляем основные подходы к соотношению времени и событийности, рассматривая их в контексте механизмов текстопорождения культуры. Основываясь на концепциях М.Ю.Лотмана, М.Маклюэна, отчасти А.Гениса и Н.А.Хренова, показываем, что два основных типа представления о времени – *циклическом* и *линейном*, проявляются в соответствующих культурных практиках, «механизмах текстопорождения», благодаря которым через тексты генерируются и воспроизводятся основные формы культурной жизнедеятельности. Мифы, одновременно являющиеся и описанием и объяснением мироздания, поддерживают и воплощают циклическое представление о времени. В дополнение нормирующего принципа «циклического текстопорождающего устройства», культура вырабатывает иной механизм, организованный в соответствии с линейным временным движением и фиксирующем не закономерности, а аномалии.

Отмечаем, что переход от событий к повествованию о них, изначально синтагматическом, а также резкое разделение этих сфер (что отсутствует в мифологическом сознании, не противопоставляющим текст и действительность) при приобретении текстом самостоятельного бытия определяют предпочтение им линейного принципа времени. Более того, по Ю.М.Лотману, линейность и сюжетность повествовательных текстов помогает человеку усматривать их черты в собственной жизни. М.Маклюэн эту функцию упорядочивания явлений действительности линейным способом организации повествования, т.е. в форме определенной длительности, последовательности и иерархии прошлого, настоящего и будущего, - отводит печатному станку. И только эпоха электронных средств массовой коммуникации (телеграфа, телефона, радио и телевидения, Интернета) отнимает доминирующее в культурном мировоззрении положение линейного принципа, оттесняя его на периферию. Отныне, с момента появления электронных средств, связывающих адресатов коммуникации в «поле одновременности» единого информационного пространства, позволяющего общаться в режиме реального времени, изменяется восприятие времени: отменяется иерархия его модусов. Взамен *принципа повествовательности* печатных СМИ, располагающих события в линейно организованной темпоральной последовательности, порядок которой структурирован причинной (или логической) зависимостью и иерархией существенного и незначительного, приходит *мозаично-резонансный принцип*. Это принцип построения и восприятия экранного изображения, представляющего мир как набор раздробленных, несвязанных событий, уравниценных самим фактом попадания на экран, где сталкиваются «все времена и пространства одновременно».

Обнаруживаем, что, несмотря на разночтения во взглядах данных мыслителей, противопоставляющих культуры на основании доминирования определенного типа текста (способа коммуникации), они, в конечном счете, исходят из проблемы соотношения закрытого и открытого текстов. Поэтому в рамках данного параграфа выявляем зависимость специфики текстуального времени от характера условности реальности текста. Определяем, что именно психическое время процесса восприятия (чтения, просмотра) развертывает в условное время

линейную цепь пространственных синтагм закрытой реальности текста как предметной области действительности, наличной *до* и *вне* акта восприятия, в отличие от открытой условной реальности, конституируемой в процессе или самим процессом восприятия. Отмечаем, что текст несет способность утверждать собственную стратегию времени, а время приобретает роль фактора, конституирующего текст.

Текст как условная реальность, знаменующая разрыв между событиями (воображаемыми – в вымысле, сконструированными, или действительными) и их репрезентацией, позволяет относительно каждого из текстуальных уровней выделять отдельный временной параметр, нередко возводимый в ранг отдельного времени: время акта рассказывания (*время повествования*), рассказываемое время (*время мира персонажей*) и время реальной жизни (*время действительности*). Связывание же столь онтологически различных времен (времени квазидействительности, условно-текстуального по природе, и времени действительности) осуществляется через посредство онтологически промежуточного «повествовательного времени», под которым мы понимаем время процесса восприятия текста.

Притом, именно несовпадение в условной реальности текста уровней текстуальной (квази)событийности и повествования о ней способствует временным деформациям между ними. Наиболее явной оказывается, в терминологии Ж.Женетта, анахрония, т.е. любое несоответствие повествовательного времени временному порядку «истории». Но если событийное «забегание вперед» (проlepsis) и «возвращение назад» (аналепсис) могут считаться принадлежностью далеко не всех текстов, то анизохронией как несовпадением длительности повествования с длительностью излагаемой им истории чреват любой зазор между уровнями текстуальности.

В этом смысле, и «путешествия» в прошлое и будущее для открытых реальностей текста (не способных к пролистыванию назад, но особенно вперед) доступно лишь в форме анахронии, требующей определенного несовпадения уровней текстуальной (квази)событийности и повествования о ней, а также выражающей темпоральное несоответствие этих уровней. Тексты как закрытые реальности заодно дают возможность «путешествовать» в прошлое и будущее персонажей и вне тех возможностей, которые на уровне текстуальной событийности предоставляются автором, а именно – на уровне повествования, что обеспечивается нашей онтологической отстраненностью от текстуальной событийности. Тем не менее, именно проницаемость (функциональная) открытых условных реальностей текста позволяет нам как авторам или соавторам напрямую влиять, даже обуславливать своим вмешательством, протекание событий в текстуальной реальности персонажей.

Приходим к выводу, что параметры «воздействия» (на внутреннюю событийность текста) и «перемещения» (по повествованию как разворачиванию этой событийности) находятся в обратном соотношении: возможность первого в открытых условных реальностях текста исключает второй, наличие же второго в закрытых условных реальностях текста требует отсутствия условий для первого.

Тем не менее, для гипертекста, размывающего границы между закрытыми и открытыми текстами тем, что, не устраняя автора, ставит под сомнение сам принцип авторства, отменяя его единственность, целостность, авторитарность, авторитетность и автономию, такие ограничения не применимы. Синтагматическая *нелинейность* пространственной структуры гипертекста, парадигматическая *неиерархичность* его смысловых блоков позволяют читателю те возможности «путешествия», которые даются только закрытыми текстами, хотя сама возможность вмешательства в ткань текста отличает именно открытые тексты.

Если в данном параграфе предпочтительное внимание отведено исследованию условного времени закрытых текстов, его особенностям и возможностям сравнительно с необратимым временем действительности, предоставляемым условному времени его пространственным характером, а также описанию способа протекания текстуального времени при восприятии (чтении, просмотре) текста, то следующий параграф посвящен в основном рассмотрению особенностей текстуального времени в открытом тексте.

Во втором параграфе «Проблема времени и причинности в контексте коммуникации автора и читателя/ зрителя» подробнее останавливаемся на особенностях темпоральности процесса создания текстов, которое совпадает с функционированием открытых текстов, какими предстают и закрытые (открытые в процессе созидания). Процессы чтения (восприятия) – письма (создания) текстов не могут рассматриваться отдельно, т.к. являются взаимосвязанными и взаимодополнительными. Поэтому в данном параграфе анализ специфики темпоральности закрытых и открытых текстов, включающий в себя проблему причинных зависимостей в тексте и между текстами и действительностью, вводится в общий контекст коммуникации автора и читателя/ зрителя.

Отмечается, что не только текст как закрытая условная реальность требует его «открытия» процессом исполнения (иначе он не сможет функционировать текстом), но и текст в процессе его созидания, т.е. открытости, поневоле обращается к уже готовым текстам-результатам. Складывается понимание текста как интертекста, сопровождающееся переориентацией внимания современных исследовательских практик текста (прежде всего в рамках постмодернизма) с фигуры Автора на читателя, фактически присваивающего prerogatives автора. Этим объясняется выдвижение на первый план читательских предпочтений, определяющих, по Ж.Деррида и Р.Рорти, смысл текста. Появляются понятия «образцового читателя» (У.Эко), «аристократического читателя» (Р.Барт), «воображаемого читателя» (Э.Вулф), «архичитателя» (М.Риффатер). Автор не устраняется окончательно: переставая считаться творцом, он объявляется функцией, необходимой дискурсу. «Имя автора» отличается от имени собственного, провозглашаясь М.Фуко эквивалентом дескрипции, позволяющей сгруппировать ряд текстов для отграничения их от текстов, принадлежащих другому автору или традиции.

Детально анализируется роль «мотивационного механизма» в конституировании текстуального мира художественных и информативных текстов, который в качестве ретроспективной детерминации, знаменующей властность

дискурса, нагляднее именно в закрытых текстах, за которыми уже не чувствуется *авантекста*, всей совокупности черновиков, набросков, сценариев. Ведь сама связность и целостность текста, его завершенность дополнительным образом «сверхдетерминирует» событийность в тексте. Притом, само завершение может быть привнесено как эффект ожидания читателя, которое не всегда совпадает с авторским решением.

Отмечается противопоставление восприятия текстуальной причинности в зависимости от позиции человека по отношению к тексту. Это происходит за счет того, что читатель имеет дело, прежде всего, с событийностью текста (уровень повествования оказывается прозрачным; персонаж же, кроме случаев постмодернистского письма, вообще не замечает его, пребывая на уровне текстуальной событийности), автор же, как раз, имеет дело именно с повествовательным уровнем текста. Темпоральное своеобразие этих уровней, выявленное в предыдущем параграфе, накладывает свой отпечаток и на восприятие прописанной в текстуальном мире причинности: мир, созданный интенцией автора, его персонажам и читателям предстанет каузальным. Определяем, что подобного рода четкое функционирование текстуальной «причинности» на разных уровнях текстуальности, будучи проявлением жесткого разделения ролей автора и читателя, характерного для закрытых в плане содержания (т.е. функционально) текстах, или, по Р.Барту, в текстах – чтении, сглаживается в открытых текстах, в которых адресат за счет деятельного, активного сотворчества приобретает прерогативы автора.

Тем не менее, именно закрытые тексты, образованные онтологическим разрывом между событиями и их репрезентацией, предоставляют зрителю недоступные в рамках действительности возможности «обращения» (в условном, но не физическом смысле) событийного ряда (через переворачивание порядка изложения событий). Из письменных текстов именно идеографические тексты, знаки которых, минуя звуковую сторону языка, иконически соотносятся к отдельным словам или ситуациям (пиктограмма), либо конвенционально – к универсальным понятийным категориям (например, цифровые обозначения), способны сохранить свои значимые отношения и при обратном порядке изложения. В рамках фонографической письменности обращение утрачивает смысл в полностью конвенциональных системах: в силлабографии (знаки которой выражают слоги) или в алфавитных системах письма (знаки которой выражают отдельные звуки). Менее очевидна ситуация в фонографии с логографическими системами письма, знаки которых, обозначая отдельные лексемы, в плане выражения могут представлять либо пиктограммами, либо конвенциональными графическими символами. Впрочем, и в алфавитной системе письменности можно проследить обращение, но не столько на элементарном уровне графической субстанции выражения, сколько на плане содержания, подразумевающим выход к более высоким уровням (уже не языка, а речи). Обращение предложений и иных, более обширных смысловых блоков, в текстах обычно осуществляется в виде т.н. «круга», когда развязка событий переносится в начало рассказа, либо в форме проlepsисов.

Отмечаем, что тексты не ограничивают себя теми возможностями, которые предоставляются разрывами между уровнями их текстуальности, но пользуются

онтологической автономией по отношению к физически объективной реальности для выстраивания в поле собственной квазидействительности своеобразной, даже фантастической, «причинности» (представляя, в терминологии Б.Томашевского, пример художественной мотивировки, в ее отличии от т.н. «реалистической»).

На другом полюсе стоят тексты, которые как запись о действительности образуют по отношению к ней ту реальность, что дает возможность путешествовать и обращать время событийности действительности (условным образом). Отмечаем, что подобного рода условное обращение порядка причинно-следственных сцеплений событий действительности доступно только тем иконическим текстам, которые обусловлены индексальными отношениями с явлениями действительности (или физически объективной реальности), т.е. документальным или игровым фильмам. Кино, будучи подобно словесным текстам дискретно членным и линейным, а также как и все визуальные тексты – континуальным (пространственным) текстом, позволяет то, что не доступно на плане выражения устным текстам (и в электронной записи) и большинству письменных (обесмысливающих обращенную событийность), ни картинам, которые, в отличие от линейно упорядоченного письма, не теряющего смысл и при вытягивании в одномерную телеграфную ленту, не могут сохранить отношения между своими элементами в рамках одного измерения.

В качестве вывода подчеркивается, что выявление и уяснение творческой позиции адресата (предварительным рассмотрением которой завершился § 3 гл.1) подводит нас к акцентированию специфики открытости/ закрытости текстов, прежде всего, *в плане содержания*, т.е. как художественной и/ или функциональной, в отличие и в дополнение ее рассмотрения на плане выражения (как онтологической). Уточняется, что открытые тексты отличаются от закрытых отнюдь не устранением авторской позиции (т.н. «смертью автора»), наличной и в принципиально безличных естественнонаучных текстах, а снятием авторитарной и безапелляционной власти дискурса, с которой как с принудительностью требований жанра, стиля и содержания, вынужден соотноситься и автор. В этом смысле, образные, художественные тексты (как визуальные, так и словесные) оказываются потенциально более открытыми, чем научно – информативные, достоинство которых состоит в максимальной «прозрачности», достигаемой через устоявшуюся терминологию и использование искусственных языков, освобождающих данные тексты от затрудняющей их понимание многозначности. Отмечается, что предпочтение современными художественными практиками и их теориями отдается именно художественной (приобретающей мощь и значение функциональной) открытости, в т.ч. и не поддержанной онтологической открытостью.

Впрочем, наиболее существенным является не столько демонстрация темпоральных различий между текстами, отличающимися друг от друга характером своей условности, а также между формами и возможностями участия человека в их текстуальной событийности, сколько показ единства текстов и действительности в процессе творчества, размыкающего в открытость и закрытые условные реальности.

Закрытый текст возникает как попытка закрепить, овеществить отдельный срез времени жизни, преходящей своей непосредственной действительностью. Но

закрытый текст способен выйти из безмолвности своего артефактного существования только при условии его открытия, развертывания во времени творческим актом восприятия зрителя/читателя, актуализующего заложенные в нем потенции понимания и интерпретации. Тексты, в свою очередь, расширяют сферу действительности человеческого бытия, выводя ее из рамок непосредственности «здесь и сейчас» актуального существования. Тексты, будучи фиксацией, консервацией, тиражированием и трансляцией культурно – исторического наследия социума, способствуют преодолению временных и пространственных пределов взаимодействия и общения людей, обеспечивая – в диахроническом срезе – преемственность исторического опыта, а в синхроническом срезе – актуальную социорегуляцию совместного бытия людей. В конечном счете, и тексты как реальности, возникшие и возникающие в ходе коммуникации прошлых, настоящих и в определенном смысле – даже будущих поколений, и действительность как социально-исторический плацдарм данной коммуникации воплощают единство физического и семиотического ракурсов реальности, представляя социокультурным полем человеческого бытия.

В итоге диссертационным исследованием демонстрируется взаимосвязь и единство действительности и текстов как общего коммуникативного поля, где социальный характер бытия людей оказывается их интегратором. Этим единством не отменяется, а определяется и онтологически-темпоральная специфика, несводимость друг к другу действительности и текстов как условных реальностей, чья условность предоставляет немислимые в условиях действительности возможности субъекту, разрывая ограниченность его самостной позиции, пространственно-временной локальности и конечности. Эта специфика текстов как условных реальностей порождает и обосновывает специфику и действительности как *человеческой* реальности, не сводимой ни к вещной, ни к физиологически-биологической ее сторонам.

В **заключении** подводятся общие итоги работы, делаются основные выводы и намечаются перспективы для дальнейшего изучения проблемы.

Публикации, отражающие основные результаты диссертации:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале:

1. Реальность условности и реальность действительности: проблема соотношения // Обсерватория культуры. - № 3. - 2007. – С. 11 - 15.

Другие публикации:

2. Концепция языка в философии Хайдеггера // Молодая мысль на пороге нового века: Материалы Российской молодежной научно - практической конференции. Екатеринбург, 27-28 апреля 2000 г. Часть 1. - С. 139 - 142.

3. Системный подход к теории познания и эволюционной эпистемологии: проблемы и противоречия. (Материалы «круглого стола») // Эпистемы – 4: Философский плюрализм. Материалы межвуз. семинара: Альманах. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2005. – 200с. (1 стр).

4. Теоретические основания плюралистической трактовки реальностей // Эпистемы – 4: Философский плюрализм. Материалы межвуз. семинара: Альманах. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2005. – С. 79-90.

5. Аксиологическое измерение онтологического основания познания // Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания: Материалы всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 10-11 марта 2005г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 62 – 67.

6. Наказывать время или наказывать временем? // РОССИЯ В XXI ВЕКЕ: ПРОГНОЗЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. «Антропологические чтения – 2005»: Сборник научных трудов по материалам Научной конференции. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2005. – С. 233-234.

7. Проблема самоопределения философии в контексте семиотики // Преподавание философии в вузе: проблемы, цели, тенденции: Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.М. Арзамасцева. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2005. – С. 191-195.

8. Текст и реальность: два способа видения // К 40-летию философского факультета: Труды аспирантов и докторантов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 10 - 15.

9. Объяснительные принципы социально-гуманитарного знания // Гуманитарное образование в современном Российском вузе: материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – С. 53 – 55.

10. Осмысление проблемы циклического (замкнутого) времени в философии науки // Сумма философии: Сб. науч. тр. Вып. 6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 40 - 46.

11. Желание как конституирование действительности // Антропологические основания теоретического мышления: материалы научной конференции (г. Екатеринбург, 16-17 ноября 2004): Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2005. – С. 136 - 139.

12. Проблема реальности в контексте понятия условности // «Реальность. Человек. Культура: социальное и природное»: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Омск, 23 - 25 ноября 2006 г.). – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006.

13. Проблема вымысла в действительности и тексте: анализ критериев // Культура & Общество [Электронный ресурс]: Интернет журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств — Электрон. журн. — М.: МГУКИ, 2004—. — № гос. регистрации 0420600016. — Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Gilyazova.pdf>, свободный — Загл. с экрана.

14. Вымысел повседневности: проблема критериев // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 5 - 6 апреля 2007 года: Доклады / Под ред. Л.А. Закса и др. : В 2 т. Т.1. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2007. – С. 188 – 191.